

П У Б Л И К А Ц И И

Евгений Харитонов

С Л Е З Ы Н А Ц В Е Т А Х

Печатается с сокращениями

Вот только что, вот оно было это время, и все испарилось, группы перегруппировались, настроения ушли и друзья раздружились.

Уже другие формы жизни на свете и мне их поздно узнавать. ПТУ, Вокально-инструментальный ансамбль, Шведская семья. Обступила жизнь, где мне нет веселого места. Молодежь мне скажет: вы нам уже неинтересны, но для понимания нас вы отлично подходите. Так что давайте, мы будем вам показывать свой гений, а вы давайте понимайте. А когда подойдет, наконец, мой выход, они разбегутся или вежливо останутся. Причем, разбегутся, как раз, т е , а останутся н е т е .

Я, когда я старик, я не люблю всего нового. А то чего-то там наизобретают, все чтобы нас отменить.

← Цветы отвернулись от меня, хотя я посадил их к себе лицом, и повернулись к Солнцу. А я к нему во втором ряду.

Пошел я как-то посидеть к себе на могилку. Съесть яичко за свое здоровье. И вижу. ИИИ И что же я вижу. А ничего не вижу. И видеть не могу. Только слышать. И нюхать. И нюхаю я: летит ко мне цветочек, лапками машет. Здравствуй, мой миленький цветочек. Чего ты от меня хочешь? А хочу, говорит, от тебя всей твоей жизни. На, возьми мою жизнь и отдай мне всю мою смерть. Тут я и умер, и он на мне вырос.

Для жизни не хватало ритма и сил. Хотелось неподвижности и оцепенения. Только и искал угла, где бы присесть, медленно посидеть, покурить и не двигаться, вытянув ноги. А то и протянув. Конечно, всегда была иллюзия, что стоит по-настоящему влюбиться и в этой любви будет надежда, — и я загораюсь, заживу, вспыхнет мой настоящий необыкновенный темперамент, он, дескать, только тогда разыгрывается, когда что-то настоящее ему подворачивается. Конечно, настоящее особенно не подворачивалось, а чтобы его заполучить, надо было бы за него сражаться, уметь, чем его заинтересовать, но —

я этого не умел, потому что тратил все время на сосредоточение в письме. Но и в писание ушел, потому что жизни на ногах, физкультуры не получилось бы. Дружить можно было, в основном, с девочками. Где нет грубых нравов и драк. Я боялся перемены в

школе, когда толпа неотесанных, свирепых, бездушных, нечутких, душевно неразвитых подростков кидается в потасовки друг с другом, кался к стенке и закрывал глаза или не выходил из класса.

/Будем распутывать цепь причин и следствий или поймем что причина не в причинах?-/ — и вот писатель все больше и больше отъединяется от всех, все глубже и глубже заходит в свой тупик. До свидания. Желаю и вам найти свой тупик.

Неужели в моей жизни все исчисленно и известно. И неоткуда ждать чего-то. А для этого есть свежие и молодые. А мне пора ворчать.

— Вы любите ворчать?

— О, я ворчу как Бог. Подождите! не уходите! я еще на вас не наворчал.

Сегодня мне стукнуло ЮО.

Все что можно сказать, я уже в жизни сказал и подумал.

Да, поэт может немного сказать и говорит все время одно и то же. Ужас читать полное собрание его сочинений. Ужас, кажется, сколько можно об одном и том же!

Да,

что ни говори, а цель одна, пробиться к честному слову. И это сладчайшее счастье. Сказать правду-правду.

Однако ~~еще~~ зерно неправды в каждом из нас. Все из-за того, что приходится из осторожности друг с другом поддерживать добрые отношения.

Я дотронулся до нее едва-едва, чтобы она, не дай Бог, не стала ко мне прижиматься в ответ. Но все же дотронулся, из человечности, видя какими глазами она на меня смотрит, как она этого ждет. А она, наверное, подумала, что я просто не из тех, кто любит грубо тискать. А я как дотронулся даже не из человечности. А чтобы не потерять ее расположения. Чтобы не увидеть открытого нерасположения в ее глазах. И холод за то что не дотрагиваюсь.

Немного задевает, когда какая-нибудь девушка ходила-ходила за тобой, считала тебя за божество, считала за честь проводить тебя, попроситься в гости и вдруг в момент отошла. И хотя до этого она тебе, может быть, докучала, тут тебе снова хочется продлить эту жестокую ширь с ней игру. Жестокость игры в том, что ты и вежлив, и участлив с ней, а ведь все это для нее не то.

Что ты с ней по-дружески; а на самом-то деле вся дружба затем, чтобы удержать ее от дерзости, от прямоты, а ей уж давно этого хочется, сознает она или нет, чем так тянуть. Бедная девушка! Ведь она привыкла до сих пор, что с мужчинами, с парнями, с мужским полом надо держать себя уворачиваясь, не позволяя им чего-то, надо быть гордой, иногда подать надежду, потом, когда он разожжен, снова стать неприступной. А тут вся наука, которой она с детства училась, от мамы, может быть, и от подруг, в которой она должна быть умнее любого мужчины, оказывается, в этой немужской науке он превосходит ее и ей самой приходится звонить, намекать чтобы ее позвали в гости, самой стараться сесть рядом! И ее путают; ей доброжелательно улыбаются, но это совсем не то, не та улыбка. Оказывается, но этого она пока не может понять, хозяин ее позвал потому, что она не одна пришла, а с подругой и еще с мальчиком из кружка, и все-таки потом ложатся спать порознь. А она, может быть, еще надеется, что это такая порядочность воспитанного хозяина. Все что происходит, ставит ее в тупик. И когда наконец ей кто-нибудь объяснит в чем дело, и у ней в душе осталась незаживающая рана, но чтоб она скорее затянулась, она решает больше не ходить в кружок и при нечаянной встрече с вами в метро держится, конечно, приветливо, спрашивает о жизни, но чуть-чуть раньше, чем надо говорит до свидания. И вам не то что-бы досадно, но хочется продолжить эту игру, хочется вдруг, такое нехорошее желание, чтобы она по-прежнему была влюблена в вас, вас как-то это ну не то чтобы задевает, но как-то чуть-чуть жаль за себя, что вас могли разлюбить. И вы даже думаете иногда, как бы ей позвонить по какому-нибудь подходящему поводу, как будто по делу, чтобы она чуть-чуть встрепелась, и чтобы снова после этого искала случая позвонить вам, а вы бы снова, разумеется, держали разговор, как всегда, в рамках человечности. Хотя это жестокая человечность. Но вам нравится, что она никак вас не может подловить, в чем этой человечности жестокость; хотя это чувствует. И в то же время не видит, в чем тут можно вас уличить; потому что внешне одна приветливость.

Но раз еще эта игра может меня занимать, значит я не совсем потерял интерес к людям. И к жизни.

Конечно, обычная женщина, которая должна быть около вас, это влюбленная в вас женщина, которая все про вас от вас знает и вы можете с ней переглянуться по поводу юного красивого и глупого телефониста; мальчика-певца (там у него в голосе нежное мяско или маслице; у него голоса больше, чем горла; хотя все равно цыцленочек); мальчика-прохожего; мальчика из бюро услуг по ремонту холодильников. И как вы не переглянетесь с натуральным своим ровесником. Которому надо переглядываться с другом по поводу проходящих женщин-лошадок. И однако все же важно, приятно, что эта ваша близкая-близкая знакомая, так хорошо понимающая вас и все ваши настроения, все же в вас влюблена, и при этом, конечно, готова любить платонически. Хотя все равно лучше не оставаться с ней наедине. А вот когда вы с ней вдвоем на людях, где она сумеет прочесть и понять все ваши взгляды на других и все ваши настроения; например, вы говорите с молодым человеком, пришедшим к вам в кружок; какие-нибудь забавные мелочи в разговоре, когда видно, как он вам нравится и как он вас не понимает; когда нужен зритель вашей черной улыбке; слушатель вашего тонкого замечания, одного какого-нибудь оброненного вами удачного тонкого слова, в котором выразится весь ваш особый опыт. Отлично понятный ей и непонятный ему. Лучшего оценщика, чем она, вашим печальным островам вам не найти.

Какая нужна она. Уж если на то пошло. Ну, во-первых, чтобы не интеллектуальная. Не женщина друг, которая все понимает не хуже тебя. Как можно с такой что-то делать! У которой точно такой же ум. Надо чтобы его у нее не было. Тогда еще что-то можно. Ее по-нукать. Ей командовать. Ее ругать. Даже, может быть, поколачивать. И вот за это^{но} любить. Надо чтобы она была небольшого роста. И неэмансипированная! И молодая, конечно. И дура. Чтобы можно было прямо сказать ей: ты дура. Чтобы она спрашивала про все: а это сделать так или так? И чтобы когда делала это, то чтобы пела. Тихонько чтобы напевала, не мешала.

А если только к ней уважение человеческое, это конец. Как можно человека, если к нему вежливое отношение и понимание, как можно

представить себе его голым ~~и~~ и снизу. Это прямо какое-то надругательство над ее достоинством над людским.

Мой пониженный жизненный тонус заметил еще С. в 1961 г. Так что же говорить о теперь. И это складывалось и в школе на физкультуре и в координации. Почему у меня никогда не выйдет свинг. В людях свинга упругость, они чувствуют пульс и еще через него и вокруг него пропускают различные ритмические фигуры. Дай Бог еще ровные-то доли удержать. Аритмичному мне.

А в композициях я стремлюсь по капле собрать побольше, чтобы получилось зрелище тугой насыщенной скрученной в комок концентрированной уплотненной жизни в утешение себе и показать людям как я круто туго напряженно упруго как будто живу.

Бывает художество дробное, нарезное, много много кусочков, все подклеены один к другому и во что-то соединены; набрать разрозненных кусочков и туда еще что-то ^и наставлять. А то выдох! песня! как-то так: ах! и все, как-то так одним махом, — и вот это талант; а то, первое, тонкость, пусть; да, это можно одев очки рассматривать или внимательно-внимательно прослушивать, что там прослушивается. Но талант это: ах. Талант подхватывает вас и несет на крыльях.

Там — о! там оно вас срывает с места и зовет с собой в бой или в любовь. Там вас подмывает подпеть, а тут подпеть нельзя и не придет в голову; но заворочиться, тонко заслушаться. Тут надо чтобы прислушаться к тихой и отдаленной-отдаленной музыке, а там почти что зажимать уши под ~~е~~ ее напором, или сказать — а, бери меня! Тут надо взять и бережно рассматривать листок со словами, а там — о! там со слуха запоминать и хлопать по себе кулаком, ай, как ты все так сказал! и присоединиться.

Тут что-то такое, диковинка, должно завораживать, как жизнь рыбок в аквариуме. Вот, мол, какая разновидность. На это смотрят или слушают как на что-то от себя отдельное. А там что-то тебя захватывает в круг, заражающее, исторгающее слезы, заставляющее танцевать и петь вместе. То обращено и вызывает к людям, а это отделено от людей, само погружено ~~и~~ в свой дивный потаенный узор и должно заколдовать людей, глядящих на него сквозь стекло.

А то срывает людей с места, заставляет биться сильнее сердца. В это надо проникать, и удовольствие сам процесс чтения и проникновения. А там оно само в вас проникает, хватает, пронзает и тащит с собой; а потом, может, и кажется пустым.

Заход в поп-культуру. Сколько раз я мечтал туда зайти. — Уж если и разлюбишь, так теперь — так! теперь! — С этой грубостью не сравнятся никакие тонкости. Только у меня отпела Пугачева, и окон за Ю она запела.

Нет любви сладкой, с замиранием, невозможной. У привередливого меня. Квартира есть, вечер есть, лето есть, молодости есть немного, а гостя хорошего нет. Так и останется то воспоминание о 4-х месяцах. Все более и более неправдивое. Забывающее, что и тогда было не то. Нет, нет, то, уж это-то мне оставьте, думать, что было, и оно было. Только вот мешало писанию и никак не соединяло в моей жизни одно с другим. Потому что с писанием моего рода ничто, что мешает жить одному, не соединится. Только если завести кошку и заколдовать в 17-летнего десятиклассника. В меня (но покрасивее).

Я бы поставил ему блюдечко на кухне, водил бы гулять по утрам. Он бы скребся в дверь, встречал меня, лежал бы колечком у меня в ногах, когда я пишу эти слова. Я бы ставил опыты на его теле и снимал показания со своего сердца.

Мне нужен младший брат; которому нужен старший брат.

Послышалось как открывают дверь и вошел я. Я подошел ко мне, мы обнялись сухими осторожными телами, боясь быть слишком горячими и налезать друг на друга, такие близкие люди, знающие друг про друга все, настоящие любовники. У нас с ним было общее детство. Только не может быть детей.

Я однажды попал из одного мира в другой. И так живу на разрыве двух миров. Мир семейности, верности, забот обо мне, и мир бессемейности, неверности; и заботься о себе сам.

Ужас. Старость впереди. Там вообще старики походи на старух, а старушки, на старичков.

Что-то (Известно Что) удерживает от того, чтобы делать дело якобы хорошее и успешное; надо, чтобы в жизни ничего не было, никаких успешных дел и притертого круга людей, и тогда! и тогда! только тогда в душе то, что надо. И та бледность у себя на лице. Несмотря на красное пятно на носу, например.

А если б я, то все. Жизнь бы пошла по другому пути. Но б я не бывает. Потому что тоска это мой дом.

Да нет, для меня счастья нет, я не умею его чувствовать.

Мне все время зачем-то видится его изнанка; а ни к чему; и раздражаюсь, что знаю что ни к чему; и знаю что не все надо знать, а все равно знаю.

Вчера, кажется, совсем подошел к тому что надо, и нет, сбил наукой.

О мой бес. Когда же она от меня отступит.

Всё формы, всё соотношения между предметами, а какие (именно) предметы, ей все равно. Всё функции и схемы.

Может быть тут дух и есть, но души-то нет! И сердца нет. Если сердце, надо чтобы оно к чему-то приросло. И не к чему-то, а вот к чему: кто ты, что ты любишь, от чего плачешь, от чего закрываешь глаза от счастья, чему тебя ребенком учили, как баловали в детстве.

Человек должен к чему-то прикрепиться и разделить какую-то веру.

Да не к чему-то и не какую-то, а вот эту, и к тому-то. Нашу веру, и к нам; а если какую-то, так и катись, например, к Чорту. А с нами Бог. Да не например к Чорту, а к Чорту. А с нами Бог. Бог, вот этот, не какой-то.

Я не математик!!!

Сохранить нацию. Сохранить народ. А почему обязательно сохранить? Почему не допустить вливания новой крови? А не будет ли при этом вырождения и замыкания? Почему так каждая особь и лич-

ность хочет сохраниться? Таков закон? Во всяком случае, если и есть еще над этим законом закон, что особь должна быть разомкнута для обмена веществ, до этого закона над законом мы не собираемся подниматься, а должны, повинуюсь лишь инстинкту, он же закон сохранения себя, не допускать разрушения себя. Так, если понимать умом. И сердцем. Т

(Не зря же в нас вложена Богом юдофобия).

Надо было быть военным. И солдат каждый год новых набирают. И за Родину. И устав не тобой сомнительно придуман.

Ничто так не разгорячает, как ловкие движения молодых людей, как они скачут, бесятся, повисают на перекладинах, кувыркаются, у них задираются маечки, сползают штаны до попчика, рекорды их юной горячей энергии. Там, где здоровье и молодость, там война!

Представление о счастье.

Это пойти, например, в баню и просто и легко познакомиться. Но, к сожалению, не умею, не знаю, как завести разговор. Тут надо уметь хитрить. А не так, как я когда-то в 19 л. на вокзале подошел и честно попросил одно приятное божество на чемодане. И он воспринял меня как больного. А надо с хитростью и с подходом. Что противоречит Душе Поэта. Но как, как?

И нужно не слишком-то заноситься, разбираться, не слишком-то вникать в него, а как это он подумает — с чего, мол, это он со мной заговаривает? не надо бояться, что он грубо ответит или усмехнется, не надо бояться обжечься. Помнить, что завоевывание, ухаживание дело не барское, требует и изворотливости и некоторого заискивания, и, может быть, обыкновенных расхожих пошлых слов, и надо знать, чем люди сейчас живут, надо уметь поддерживать разговор, а то что же. Вон как умеет их обрабатывать в автобусах, сразу в давке кладет им руку туда на молнию и он сам прижимается, 15-летний, а если отдернется и что-нибудь скажет грубо, так Боря и не переживает, еще сам становится в амбицию — а в чем, мол, дело? Если верить его рассказам.

Так вот, баня. Надо уметь, уметь. Не стесняться, да, скользко подсесть и заговорить. Ответит грубо, и отойти, и не считать себя побитым и оскорбленным в достоинстве. Вот это и есть жиз-

ненное счастье, чтобы добыча была твоя, своими руками завоеванная, а не то, что было ~~где-то~~, ну и тебе перепало, кто-то кого-то нашел, ну а потом и тебе угрожал. А ты сам, сам ищи. Не будь Чеховым, человеком в засраном футляре. Но нужны крепкие нервы. Не впадать в безысходную немую печаль, а действовать, действовать, пододвигаться, прощупывать, быть разведчиком, Джек Лондоном, даже и чем-нибудь обмануть, что-нибудь пообещать, заинтересовать; действовать! И не довольствоваться красотой своей печали. Все равно в этот момент ее никто не видит. А то ведь я как, все на человечности. Беру якобы пониманием. И так допонимаешься, что раз ему этого не надо, так и не буду, о, конечно. Ну и — кому от этого хорошо? Так насчет поисков и гнилой морали выкидания. Мы находим себе утешение в этой якобы привлекательности трагической позы Смерти в Венеции. А на самом деле тут одна только трусость и безынициативность. Ведь зрителей-то все равно нет твоему трагическому параличу и безнадежному взгляду на любимый предмет. Это еще где-нибудь в театре показать Федру, застывшую в безнадежности своей страсти; а Фадра-то, добиваясь, ^{еще} ~~еще~~ будет выглядеть красиво; да и то, все люди уходили и засыпали на Семейном портрете в интерьере. Кому интересно смотреть на какого-то благородного старика, который неизвестно чего хочет, а если хочет, зачем не выявляется. Боится, что ему поломают старые кости, боится, что его обзовут нехорошим словом. А думает, конечно, что он просто не хочет покоробить молодого человека, что он, мол, просто из глубокого такта и понимания совершенно других интересов того. Ну, допустим, интересы, действительно, раздельные. Но старческие неделанье ничего и недобывание ничего уныло. И на всех наводит уныние, никому не захочется ему подражать. Да, тут еще вот что: долго думаешь, как начать, что сказать, долго ~~думашь~~ выжидаешь; надеешься, что, авось, сам обратит внимание, как-нибудь заговорит. Да не обратит и не заговорит никогда. Ему-то ничего не нужно, И надо сразу, без проволоочки. А чем дальше проволоочка, тем сильнее паралич — теперь уж, мол, совсем будет страшно заговаривать, он уже видел, что я на него все смотрю и смотрю, зачем-то подбираюсь. И, конечно, надо уметь отыскивать точки, где их искать. Вам, скажем: была девушка с приветом от Леша, она устроилась по лимиту в фирму "Заря". Этой как раньше домработницы приезжали из деревни устроиться, только сейчас через фирму "Заря" как проходящие домра-

ботницы. Не зря они иногда и стыдятся писать домой, где они работают. И вот они живут, молодые, девушки незамужние, как это мило, в общежитии, то есть, им квартиру обыкновенную дали с кухней, с ванной, из трех комнат, в каждой комнате по две девушки. А ребята, интересно, я спросил, такие же приезжие по лимиту к вас в Заре работают? Нет, ребята, нет, это работы все девичьи, а ребята полотеры и стеклопротирщики не по лимиту, москвичи. Так вот-с, к вопросу о знакомствах. Надо, напр., вызвать полотера. Пусть он снимет с себя рубашку и натирает пол. И завести музыку, списать какие-нибудь наипоследнейшие группы у Саши. И предложить выпить. А картины на стенах сами за себя заговорят и привлекут к началу распросов. У себя дома легче вызвать к себе интерес. На телефонной станции всегда работают прекрасные молодые люди, юноши. Но они быстро починят телефон, а здесь долго будут тереть, у меня будет время расставить сети. Но жаль, что они не лимитчики! А где же такие приезжие? В СГТУ. Но как найти туда дорогу. Еще ход. Возде студенческих общежитий есть столовые, где они обедают, в столовых туалеты, написать телефон. На всякий случай имя поставить не свое. Вот так мне как-то позвонил юный голос, голос, от которого внутри надежда, и спросил Виктора.

- Виктора? здесь Виктора нет, вы ошиблись, я грустно сказал. И опять звонит - нет Виктора? - А какой телефон вы набираете? - Такой-то. - Всея правильно, но Виктора здесь нет. И еще был другой голос через неделю, тоже Виктора просил. (Вы заметили, что в паузу между двумя длинными гудками укладывается шесть коротеньких? А в один длинный укладывается, пожалуй, коротеньких три). Но Боже мой, что я наделал! Я же именно Виктора летом подписал под своим телефоном, летом, и забыл. Летом студентики разъехались и сейчас съехались к началу учебного года. Может быть, надо подыскать воинскую часть и проследить их режим, когда они выходят в увольнение. Может быть, там рядом тоже есть где записать телефон с открытым предложением. Или в Суворовское училище. А как-то, когда я из Калуги ехал, иду через весь пустой состав и вдруг! в одном вагоне! одни курсанты. Я сел на пустую скамью. А один тоже проходил, увидел курсантов и захотел к ним ближе подсесть на скамью, где они сидят - сюда можно? спросил - они, естественно, сразу на него подозрительно покосились - да вон же там полно свободных скамей. И тем не менее, молодец. А

вовсе нужна быстрота реакции. Заговаривать не обдумывая заранее. Чем больше обдумываешь, тем труднее начать. И не бояться обжечься. Ну и что. Отошел и пошел дальше. (Отошел и заплакал).

"Они".

Итак, за панцырем мужества каждый прячет мягкое растопленное сердце. Вы понимаете, что для того, чтобы он раскрылся как цветок, надо его подбодрять, потакать ему, подхваливать. Так вот-с, ведь каждый человек, может быть, и хочет раскрыться, но из осторожности, чтобы этим в ущерб ему не воспользовались, не раскрывается. В целях самозащиты огражден таким плотным панцырем защищенности.

Знаете, есть такой возраст, когда им хочется ласкаться, а как-то девушки еще нет под рукой, и он поневоле сидит в обнимку с другом или растянется у него на коленях, но это нет, не гомосексуализм. Это некуда деть свое тепло. И хочется временно облокотиться на друга. А я из этого временно больше не захотел выйти. А я в этом дивном временном страстно захотел остаться навсегда.

Итак, ОНИ. Индейцы, моряки, они любят странствия. Как я могу угодить их внутреннему миру? Когда оне (миры) у нас разные. Эта любовь к приключениям, к парусам нам неведома и мы от нее мордимся. Мы не читаем их книг. Пещеры индейцы пираты и прочая чушь.

Хоть они и ныне с розовыми щеками, а видно, что душа мужланов, ~~ши~~ и я хоть среди них и поживший, заматеревший, а с душой нежного мальчика, боязливый, трепещущий, но невидной под ~~ши~~ покровом суровых глаз в глазницах, а они — они с виду ~~и~~ иные и хрупкие и легкие, а внутри зерно мужланов. Если бы мы были одних лет, они бы меня засмеяли, смолоду мы не могли бы водиться, мне среди них места не было, они мне невыносимы, коробят их тупость и душевная неразвитость, их рассказы о выпивке и автомобилях. Нет: кротости, притворства, лукавства, боязни быть лишним, думать про другого — а что он обо мне подумает, а не покажусь ли

ему неприятным. То есть, и это все есть, но все равно не то и не так. И их забавы: как они пьяные в деревне загнали утку с пруда на берег и свернули ей шею (одна их девушка ласково сказала — живодеры) и не пожалели ни утку, ни крестьянку, хозяйку утки.

Да, надо было что-то когда-то в каком-то возрасте преодолеть, залезть на брусья, не побояться сорваться. Но Боже мой, а как быть, когда потом такое восхищение перед теми, кто ничего не преодолел, не превозмог и осмелился остаться непреодолевающим! Какой он герой слабости!

Чтение сделало меня мечтательным; или наоборот, несклонность к подчиненным играм усадила меня в читатели и мечтатели. Во всяком случае, круг замкнулся. Я стал жить в мечте. А с возрастом прибавилось еще и то, что надежды поубавилось. И исчезли совсем.

Ой, как притягивает подушка. Так и тянет на нее прилечь.

- Здравствуйте, диван Одеядович!

- Здравствуйте, Простынян Человекович.

Я додумался подсоединить звонок входной двери к кнопке возле подушки, и когда лежал в темноте, засыпая, и думал, сейчас придет кто-то ко мне, незаметно нажимал на кнопку и в тишине на всю квартиру раздавался резкий звонок. Так я играл со своим сердцем, и оно, правда, замирало.

Надо заранее быть готовым к плохому и оно легче переживается. Когда я был маленьким, я всегда, просовывая ноги в тапки, думал на всякий случай что туда, может быть, забралась мышь. По крайней мере, если она там, не будет внезапного испуга. А если нет, конечно, там ее никогда и не было, думаешь, ну вот, слава Богу, как хорошо. Но плохо, что всегда в душе готовность к мыши и нет безмятежности. И сейчас, снимая трубку, я готов к тому, что звонит следователь. И если нет, опять же, слава Богу. Для житейского спокойствия плохо, что в душе живет следователь. А в христианском чувстве так и надо, чтобы пожизненно быть под-

судимым и не веселиться.

2 неживых книги пишутся, мы пишем и они на нас пишут. Кухонные писатели, мы пишем в комнате и на кухне читаем гостям, а еще более сокровенная книга пишется о кухонных писателях у них и хранится за 7-ю печаталями, и ее никто не прочтет.

2 главных вопроса в этих книгах: кто виноват? и что делать? И 2 же на них ответа: никто не виноват, а, главное, ничего делать не надо.

Писатель должен хорошо представлять себе расклад сил в городе, чтобы его мечтало заполучить КГБ.

И вы уже услужили ему тем, что оно узнало о вас. Все, кем интересуется КГБ, уже есть его помощники. Раз оно вас вызвало, оно узнало хотя бы о вас же.

Но не надо думать, что если они, то и мы; ведь (что в е д ь?) А! Ведь они (им) нам (мы) — что мы? Что нам? О!

Завтра опять этот позвонит (Тюрьмов).

Посадить, может быть, и не посадит, а в страхе держать должны.

Я подарил гитару Гуле, чтобы она свезла мои рукописи на Запад. И за это был наказан втройне, вдесятерне! И за то что подарил дареную мне гитару, и за то что подарил не просто, а за то что б ы она отвезла. И за это все во мне погиб певец. Я так и не выучился играть на гитаре и не выучусь никогда, потому что ее теперь нигде не купить. И мне остается теперь навсегда писать только шонкую прозу, неинтересную юным простым сердцам. А песни любили бы все. Как Бог точно распорядился моей судьбой: Во мне
погиб
певец.

(Карр! Карр!)

Нет, это все не талант, что некий молодой человек может, поражаая нас свободой, спеть или насочинять в момент ворох стихов.

А талант, это верность. Когда ничего не получается, но все равно ничего другого в жизни делать не хочется, не буду, и пусть всю жизнь будет не получаться.

О, хотя бы один этот листок заполнить. Уж думаешь, в свете поставленной задачи, не чем заполнить, а только бы заполнить. Еще три пятых страницы осталось. И я ее не заполню. Только словами, что не заполню. Вот такая слабость (геройская). И никто моего геройства не поймет. Будет ли разбирать кто-нибудь мои произведения? Да не будет. Нет, тут что-то большее, чем будет или не будет. Странный труд (подумали они про меня, видя, как я что-то записываю на листочке через паузы. — Эй, ты, на балконе, за Анютинными Глазками—). А лучше бы я о них что-то подумал. Уф. Слава Богу. Нет, еще не слава Богу. Вот еще две строчки длинных допишем, тогда будет слава Богу. Теперь уже одну. Теперь уже половину одной. Теперь уже неизвестно сколько. Теперь уже все.

Первые лет пять я писал одно стихотворение по месяцу, по два; а один раз писал стихотворение полгода — и при том только им и занимался, не гуляя, не отвлекаясь, а только полгода его сочинял и кое-как сочинил. И никому бы того не рассказал, что у меня все с таким трудом выходит. А сейчас восхищаюсь, какие у меня были незаурядные задатки к усердию.

Ведь что-то происходило и продолжает происходить: я занимаюсь тем, что все время о чем-то думаю и передумываю; все об одном и том же, об одном и том же; и только когда не об одном и том же, я это отмечаю и вставляю в сборники. Вот так, действуют только новости и свежести.

Я мышка. Я быстро-быстро бегаю, ищу сухарик.

Сколько наслоений, ненужных, отяжеливших за всю жизнь.
А нужна незагроможденная, светлая, хотя и с заворотами,

~~блестящих и жеманных~~ ~~хитрых и хитрых~~
структура.

А еще нужны дети.

Итак:

он женился на женщине. И хорошо с ней жил. У них родились дети. И дети были хорошие. Они работали на полезной и интересной работе и не раз были отмечены по работе. Они помогали друг другу и любили друг друга. А Бог любил их. У них были друзья, собирались по праздникам.

А квартира разрушалась, не то что когда въехали.

Боже мой, как все шатко. Как все не может быть всегда.

Без положения, без связей куда определить сына. О, не в ИТУ же. Напр., сын не хочет учиться. Сын пошел не по той дорожке. Сын неудачный. Мы с женой старались, чтобы он вырос, выучился, стал приличным человеком с высшим образованием, с хорошей профессией, а его затянула гулянка. Ну что с ним делать. После армии, может быть, опомнится, пойдет в институт, приобретет профессию. Только бы не свободным художником, поэтом, еще бы этого не хватало, гением. Пусть живет по-людски, это самое лучшее. Пусть чем-то увлекается умеренно, без крайностей. И пусть нам народит внучат, как мы будем рады.

А то я не народил детей и не порадовал (пока) своих родителей, пусть он не берет с меня пример.

Я размышлял о карьере не-гения; а человека, порядочно делающего свое дело. Утилитарная эпоха требует специалистов. Да, детский писатель. И буду гордиться своими офиц.успехами. А еще, какая высокая участь, поселять милые мне настроения в тех, кто станет юношами, через речь. Ведь что было в детстве, делает из тебя потом взрослого. Как важны были для меня детские пьесы Шварца, черт с ним, что еврей (Бог с ним), с их мягкостью и забавностью, и сердечностью. (Только не Голые короли и Драконы против властей). И Гайдар, и Маршак. И такое утилитарное дело не постыдно. Дети будут в моих руках. И будут говорить моими словами.

Слабые мальчики (и девочки), распустите, пожалуйста, слух, что я тиран. И я вас буду любить.

Итак,

е г о мама одинокая женщина, курит, превыше всего для нее любовь, бывают такие немолодые женщины и даже матери единственного сына, хотят показать свободу взглядов, думают, что вот она не как все и это ее красит — да, я не как те матери, я все, мол, понимаю, пусть он тоже будет не как все, главное, мол, свобода и любовь, не все ли равно к кому, да, пусть к мужчине, ну, мол, и что, а я вот женщина, которая курит и все понимает, и ложится не раньше 3-х часов ночи. (Ужас, до чего глупо. Мать должна быть уздой). Так вот-с. У нее юный женственный сын. и я, например, — да, прихожу к ним и ноцую, и мы с матерью прямо в сговоре, мать рада, что у ее сына такой приятный мужчина. Мы с ней советуемся, что с ее сыном делать, чтобы не сбился с пути. Чтобы у мальчика все было хорошо. Я жей, прям, как эять. И с сыном у нее втайне от меня свой женский сговор, как, мол, надо вести себя с мужчиною. Прямо дает ему гинекологические советы, достает ему лучший вазелин. Нет, мазь Гаммелиса: противовоспалительное и расслабляющее сфинктр. Просто не мать и сын, а две подружки. А еще мы с тещей решили на семейном совете, что мальчику надо решиться. На этот шаг. Я бережно повез его к настоящему хирургу. В Венгрию. Мы с матерью страшно волновались. Но все кончилось хорошо. А высушенную отрезанную вещь я сталц носить в медальоне на память о нашей жертве.

(...)

Так это все же Я или НЕ Я (сказал, например, я, посмотрев на свои узоры). Как будто я. Но и не я. Когда в журнале, среди других писателей, то это бы был я, а когда здесь на необитаемом острове и больше никого нет, то это все я, и потому уже и не я, а в о о б щ е.

О, почему, почему я не могу отлететь полностью в красоту слов чудесных. И беспечальных. И голубиных. И облачнокленовых и душезавывавших и светлобровокарих и завитковосладких семнадцатисенных и звезднокраснофлотских

Да перестаньте ж сомневаться. Все что вы ни напишете, будет прекрасно (а все что не напишете, тем более).